

ЛИБЕРАЛЫ-ЦЕНТРИСТЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ИСПЫТАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНОЙ

Нина Борисовна Хайлова

Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник
Института российской истории Российской академии наук.
E-mail: nkhalova@yandex.ru

LIBERAL CENTRISTS IN SOVIET RUSSIA: A TEST BY THE CIVIL WAR

Nina B. Khailova

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Research Officer,
the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (IRH RAS).
E-mail: nkhalova@yandex.ru

Статья посвящена практически не исследованной проблеме, связанной с историей центристского течения в русском либерализме начала XX в. (между кадетами и октябристами). Автор прослеживает судьбы некоторых лидеров либерального центризма (прогрессизма) в годы Гражданской войны (1917–1922) и более поздний период. В статье показаны особенности осмысления ими очередного переломного периода в истории России. По мнению автора, если сначала для ряда бывших прогрессистов было характерно сдержанно-выжидательное отношение к новой власти, то уже на рубеже 1920-х — 1930-х гг. они были уверены в неизбежном падении в будущем большевистского режима. Критическое отношение к власти сочеталось у них с неподдельным патриотизмом, стремлением служить Родине.

The article is devoted to a practically unexplored problem, connected with the history of the centrist current of the Russian liberalism of the early 20th century (between the Constitutional-Democrats and the Octyabrists). The author traces the fate of some leaders of liberal centrism (progressism) during the Civil war in Soviet Russia and in a later period. The article shows the features of their understanding of the next turning point in the history of Russia. According to the author, at first a restrained acceptance of the new power was characteristic of some of former progressists, but later, at the turn of the 1920s — 1930s, they were confident of the imminent fall of the Bolshevik regime in the future. They have a critical attitude to power combined with genuine patriotism, the desire to serve the Motherland.

Ключевые слова: центризм в русском либерализме начала XX в., Гражданская война в Советской России, бывшие прогрессисты и большевистский режим, сотрудничество и противостояние.

Keywords: centrism in the Russian liberalism of the early 20th century, the Civil war in Soviet Russia, former progressives and the Bolshevik regime, cooperation and confrontation.

1. Октябрь 1917 г.: на историческом распутье

Термином «либералы-центристы» мы обозначаем деятелей, занимавших в начале XX в. «срединное» положение между кадетами и октябристами. К октябрю 1917 г. это не только лидеры бывшей думской фракции прогрессистов, вместе с соратниками из Радикально-демократической партии «переместившиеся» в послефевральский период влево (на позицию между кадетами и социалистами), но еще и целая когорта «беспартийных прогрессистов» (Хайлова, 2017: 219–220). Среди последних — «патриархи» русского либерализма из числа основателей трех политических объединений (партий демократических реформ (далее — ПДР), мирного обновления (далее — ПМО) и прогрессистов), обозначивших «русло» центристского течения в русском либерализме (Хайлова (сост.), 2002).

По-разному сложились судьбы этих людей, но для каждого была очевидной точка отсчета нового этапа в истории страны, ставшего очередным (для некоторых — последним) испытанием на прочность жизненных сил, убеждений и принципов. «Началась война гражданская» (Голицын, 2008: 106), — записал 25 октября 1917 г. в дневнике князь В. М. Голицын¹. Установление власти большевиков он трактовал как «естественный плод» режима самодержавия, «возмездие за порчу народа, за вековое угнетение его» (Там же: 125, 345). При этом «бывший князь» и его соратники признавали ответственность «образованных классов»: «Все мы одинаково виноваты, но и все оказались одинаково слепыми и бессознательными орудиями рока, в т.ч. и Николай [II]» (Там же: 206).

Никому из прогрессистских лидеров не удалось мирно и спокойно вписаться в новую жизнь. В результате одни оказались в эмиграции (И. Н. Ефремов, А. И. Коновалов, В. Д. Кузьмин-Караваев, Н. Н. Львов, П. П. Рябушинский, С. И. Четвериков и др.), другиеполнили список жертв большевистского режима (как, например, Д. Н. Шипов, а также кн. Е. Н. Трубецкой, покинувший Москву в сентябре 1918 г. в связи с усилением «красного терро-

¹ Владимир Михайлович Голицын (1847–1932) — московский городской голова (1897–1905), в 1906–1908 гг. — председатель московского Клуба независимых, близкого к ПМО, впоследствии — один из организаторов Партии прогрессистов.

ра» и умерший в январе 1920 г. в Новороссийске), третьи — сполна пережили известные тяготы и лишения, оставаясь до конца своих дней на Родине. Но все они до последнего были уверены в том, что «Великая Россия» возможна только на путях установления правового строя, расцвета науки, культуры и просвещения, развития общественной солидарности, коалиции «всех живых народных сил».

Вполне закономерно, что упомянутые деятели не разделяли сожалений о царском режиме. «Не могу отнести себя к числу тех людей, которые, потеряв кошелек с 25 рублями, хотят повернуть обратно колесо истории, дабы вернуть пропажу» (Урусов, 2009: 20), — заявлял С. Д. Урусов¹ в марте 1920 г. «Беспощадно отвергал» возможность возвращения к монархии «прежнего вида» и Голицын (Голицын, 2008: 118). Однако для прогрессистов, как и многих представителей «старой России», были категорически неприемлемы методы утверждения новой власти. «Право уступило место силе», — так К. К. Арсеньев² характеризовал «рубикон» 25 октября 1917 г. Он разъяснял, что исход гражданской войны, «обычно предрешенный взаимоотношением материальных сил, не может быть рассматриваем как выражение народной воли». Отсюда — вывод, что «создать нормальные условия народной жизни может только мирное строительство, вверенное подлинным избранникам народа» (Арсеньев, 1917а: 2).

Арсеньев утверждал: «Над Учредительным собранием нет и не может быть высшей инстанции; выражает ли оно народную волю, на этот вопрос компетентно ответить может только будущее. Меньше всего вправе ставить и решать его та власть, действия которой призвано проверить и оценить Учредительное собрание» (Арсеньев, 1917в: 1). Многоопытный знаток российской политической жизни, он особо подчеркивал необходимость обеспечения неприкосновенности народных избранников (Арсеньев, 1917б: 2–3). В преддверии начала работы Учредительного собрания мрачные предчувствия тяготили и Голицына: «Плоха надежда на Учредительное собрание: либо его разгонят, либо оно само окажется несостоятельным, партийным» (Голицын, 2008: 138).

¹ Сергей Дмитриевич Урусов (1862–1937) — государственный деятель (в 1902–1903 — тамбовский вице-губернатор, в 1903–1905 гг. бессарабский, затем — тверской; с ноября 1905 г. по март 1906 г. тов. министра внутренних дел в правительстве С. Ю. Витте, вышел в отставку после того, как П. Н. Дурново отверг его проект о местном самоуправлении). Депутат I Государственной думы, где примкнул к ПДР; получил широкую известность благодаря своей речи о причастности власти к погромам.

² Константин Константинович Арсеньев (1837–1919) — один из создателей российской адвокатуры, после февраля 1917 г. — член Комиссии, образованной при Временном правительстве для «восстановления основных положений Судебных уставов 1864 г.»; сооснователь и ведущий публицист «Вестника Европы», а также сотрудник ряда других либеральных изданий вплоть до их закрытия в большевистской России. В 1906 г. возглавил ПДР.

Роспуск Учредительного собрания, по словам Арсеньева, усугубил и без того критическое положение дел в стране. Публицист убежденно заявлял, что бедствия Гражданской войны не подлежат оправданию, даже если они и были обусловлены, согласно уверениям большевиков, стремлением к обеспечению блага народных масс: «Остается еще доказать, что иными средствами, помимо террора и гражданской войны, они достигнуты быть не могли и что достигнутое с помощью этих средств окажется неотъемлемым и безусловно прочным. Ни то, ни другое несомненным считать нельзя» (Арсеньев, 1918б: 311).

2. Вести свою «борозду» на ниве просвещения и прогресса

Нередко испытывая упадок физических, нравственных и душевных сил, преодолевая материальные трудности, ряд бывших лидеров либерального централизма и близких им по взглядам деятелей продолжали и в Советской России терпеливо и последовательно вести свою «борозду» на ниве просвещения и прогресса. Наука и высшая школа не должны зависеть от политики, от произвола администраторов разного уровня — непреложность данного принципа была очевидной для многих из числа «старой» профессуры. Как известно, особенно тяжело приходилось «гуманитариям». Так, А. С. Посников¹ в последние годы жизни посвятил много сил самоотверженной неравной борьбе с новыми властями за автономию высшей школы, против реформы вузовского преподавания, проходившей под флагом борьбы с «буржуазной» идеологией (Хозиков, 1999: 189; Бурцев, 1957: 116–117). Пытался противостоять тенденции связать атеизм с развитием науки крупный ученый и педагог А. И. Введенский². В 1922 г. он посвятил этому одну из последних своих работ (Введенский, 1922: 3–20). Что касается научно-технической интеллигенции, то среди многочисленных примеров значимого вклада специалистов из дореволюционной когорты в укрепление обороноспособности страны, восстановление и развитие экономики Советской России — исключительно плодотворная (не менее широкая и многогранная, чем до 1917 г.)

¹ Александр Сергеевич Посников (1846–1922) — экономист, земский деятель, в 1886–1896 гг. — редактор «Русских ведомостей», во многом определивший направление газеты. Инициатор образования ПДР. Один из основателей Санкт-Петербургского политехнического института (1900; директор в 1907, 1908–1911). Депутат IV Государственной думы. С апреля 1917 г. — председатель Главного земельного комитета при Временном правительстве. С февраля 1918 г. возобновил работу в Петроградском политехническом институте в должности профессора.

² Александр Иванович Введенский (1856–1925) — философ и психолог, крупнейший представитель русского неокантианства, сооснователь в 1899 г. (председатель до 1917 г.) Санкт-Петербургского религиозно-философского общества. Читал лекции во многих столичных учебных заведениях, в последние годы жизни — в Петроградском университете. В 1907 г. — член Петербургского (городского) комитета ПМО.

деятельность ученого-практика, выдающегося инженера-кораблестроителя К. П. Боклевского¹.

Несмотря на тревожные предчувствия, некоторые из бывших либералов-центристов поначалу избегали однозначного ответа на вопрос о перспективах большевистского режима. Представляется, что одним из факторов, определивших данную позицию, можно считать коренную черту либерального центризма — дистанцированность от крайностей, стремление видеть «зерно истины» во всех разнородных идейных «направлениях», поиск их «равнодействующей». Это было характерно и для отношения прогрессистов к социалистическому учению (в частности, марксизму), а также к его конкретным представителям. Стараясь удерживать себя от нетерпимости, идеологи «срединного» течения в русском либерализме в то же время всегда свидетельствовали (не только на словах, но и на деле) о безусловной ценности для них, наряду с вопросами нравственности, принципов незыблемости прав и свобод человека, законоправия.

Воспринимая революцию отчасти как своего рода эксперимент, они, возможно, надеялись на вменяемость новых «хозяев жизни», их очеловечивание, поскольку видели среди большевиков людей, с которыми можно говорить на одном языке. В разгуле репрессий, коснувшихся самих лидеров бывших прогрессистов и их родных, они замечали просветы. Это — проявления близкой им традиции «заступничества»²: солидарность и сочувствие со стороны влиятельных большевиков. В начале 1919 г. благодаря вмешательству председателя исполкома Моссовета Л. Б. Каменева был освобожден из-под ареста Голицын. В декабре 1919 г., спустя три с половиной месяца после своего второго ареста, вышел из тюрьмы Урусов (за него вступились в том числе А. В. Луначарский, В. Д. Бонч-Бруевич).

Можно думать, что проявлениями здравого смысла и справедливости в политике большевиков бывшие лидеры прогрессистов считали также деятель-

¹ Константин Петрович Боклевский (1862–1928) — организатор и декан (1902–1923) первого в России кораблестроительного факультета в Санкт-Петербургском политехническом институте, создатель при этом же институте первой в России высшей авиационной школы (1909), инициатор создания в 1913 г. при Министерстве торговли и промышленности т.н. Русского Регистра — первого в России общества для учета и классификации морских, речных и озерных судов (продолжал возглавлять Технический совет Регистра и в СССР, тогда же руководил работами особого бюро по проектированию торговых судов). В 1906 г. — член Оргкомитета ПДР, куда вошли еще несколько профессоров Санкт-Петербургского политехнического института, в т.ч. Андрей Георгиевич Гусаков (1857–1928), правовед, преподававший в этом вузе в 1902–1920 гг.

² Корни этой традиции либералов-центристов можно усмотреть в обширной «заступнической» практике (еще в пореформенный период) организаторов ПДР Арсеньева и Д. В. Стасова (1828–1918), также одного из основателей русской адвокатуры. Но если Арсеньев рано отошел от адвокатской деятельности, то Стасов оставался верен профессиональному долгу и принципам до последних дней жизни, оставив благодарную память, в т.ч. среди многих участников социалистического движения (Лёгкий, 2002: 229–232). Известными ходатаями за обиженных и притесняемых были и другие лидеры ПДР — М. М. Ковалевский (1851–1916), В. Д. Кузьмин-Караваев (1859–1927).

ность Центральной комиссии по улучшению быта ученых при Совнаркоме (ЦЕКУБУ). Она была создана в конце 1921 г. «для сохранения основных кадров научных специалистов» и оказывала последним денежную, продовольственную и другую помощь¹. Экспертной комиссии (председатель — М. Н. Покровский, зам. председателя — О. Ю. Шмидт) удалось тогда впервые произвести учет научных сил в РСФСР и распределить ученых по пяти разрядам (в зависимости от авторитета среди специалистов в стране и мире). К высшим (четвертому и пятому) были причислены и некоторые деятели либерального центризма². Сверх заработной платы по местам службы они получали от 750 до 1 000 руб. в год в качестве денежного академического обеспечения (ГАРФ: л. 5, 8).

3. «Настоящее лучше прошедшего, а будущее будет лучше настоящего»

Однако главное, что придавало силы прогрессистам, не имело отношения к «земным благам». Это — вера в общественный прогресс. «Настоящее лучше прошедшего, а будущее будет лучше настоящего» (Урусов, 2009: 20), — характеризовал Урусов свое настроение вскоре после прихода к власти большевиков. В определенной мере эту веру подкрепляла и непредсказуемость событий. Современникам не дано в полной мере понять смысл происходящего («это — задача будущего»), — выражал Голицын еще одно убеждение прогрессистов (Голицын, 2008: 118). Ряд видных представителей либерального центризма разделяли мнение, что только в будущем, по мере развития большевистского «проекта», можно будет делать какие-либо выводы. В годы Гражданской войны они стремились оценивать развитие ситуации максимально непредвзято, с учетом всего комплекса реальных фактов, а не руководствуясь какой-либо «неподвижной политической идеологией».

Весной 1920 г. именно с этих позиций характеризовал свое отношение к советской власти Урусов. Он заявил, что не видит альтернативы «власти и программе Советов». По его убеждению, для восстановления монархии не было ни претендента, ни соответствующего настроения в обществе («думаю, что печальное последнее царствование надолго исключило из народ-

¹ Один из подмосковных санаториев ЦЕКУБУ («Узкое») вскоре после его открытия был отправлен на реабилитацию крайне ослабевший Посников, которому, однако, там и суждено было закончить свой жизненный путь.

² В середине 1920-х гг. в списках научных работников, причисленных к двум высшим разрядам, значились: доктор медицины, крупный врач-практик Л. Б. Бертенсон (1850–1929) (бывший член ПДР); биолог, член-корреспондент АН СССР (1923), основоположник отечественной микологии и фитопатологии, один из основателей дела защиты растений в СССР А. А. Ячевский (1863–1932) (в прошлом — «мирнообновленец»); писатель, журналист, издатель И. И. Ясинский (1850–1931) (в 1906 г. член комитета Партии «свободомыслящих», в июне 1920 г. вступил в РКП(б)); юрист, почетный академик (1900) А. Ф. Кони (1844–1927), соратник и друг многих либералов-центристов; вышеупомянутые К. П. Боклевский и А. И. Введенский (ГАРФ: л. 28 об.-29 об., 40, 43, 45).

ного сознания монархические тенденции»). Урусов констатировал и отсутствие на тот момент «подходящих условий» для республики, «т.е. для строя, основанного на верховенстве народного собрания, при всеобщем участии граждан в выборах». Что же касается большевистского правительства, то оно, по словам бывшего «демреформатора», не только проявило «энергию, волю к власти», но и продемонстрировало способность «к эволюции и видоизменению». Признавая попытки его свержения противоречащими интересам страны, Урусов подчеркивал отсутствие достойной замены: «Полагаю, что ни одна из существовавших в последнее время политических партий не могла бы, став у власти, справиться с предстоящими России задачами, чему доказательством служит правительственный период 1 марта — октября 1917 года».

Что касается «претензий» Урусова к советской власти, то это, во-первых, экономическая разруха (новое правительство «сняло хозяйственную жизнь с прежних устоев — оно же должно подвести под нее новый фундамент»), а во-вторых, нарушение гражданских прав в стране. Как председатель Комиссии по гражданскому равноправию в I Думе, он надеялся, что упомянутый принцип будет применен ко всем гражданам России (Урусов, 2009: 19–20).

С Урусовым были единомышленны его соратники. Так, Арсеньев в годы Гражданской войны не раз обращался к власти с призывом остановить накопление в обществе «взаимного озлобления», когда «черствеют сердца, падает уважение к правам личности, уменьшается ценность человеческой жизни». Откликаясь на зверское убийство Ф. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева в январе 1918 г., он, в частности, предлагал изъять из обращения политические ярлыки — «враги народа», «контрреволюционеры», «преступники против революции и народа», поскольку «слишком ясно, какое толкование эти термины могут получить в представлении малосознательного “человека с ружьем”» (Арсеньев, 1918б: 311, 314). Публицист предупреждал об опасности вхождения в широкий оборот и слова «буржуи», «крайне неопределенного и до бесконечности растяжимого» по смыслу (Арсеньев, 1918а: 1).

Комментируя революционный лексикон, Арсеньев еще до прихода к власти большевиков указывал на теоретическую несостоятельность понятия «диктатура пролетариата». Впоследствии наблюдая реализацию этого лозунга, он предрекал катастрофические последствия данного курса для судьбы российской демократии: «Диктатура класса фактически обращается в диктатуру нескольких лиц или одного лица» (Арсеньев, 1918б: 311–312).

4. Бывшие прогрессисты и большевики: сотрудничество возможно?

Критикуя большевистское руководство, бывшие прогрессисты в ряде случаев не исключали взаимодействия с ним. Предпосылкой для наведения мостов они считали соответствия их собственным убеждениям в государственной политике. Так, среди них находила сочувствие идея федеративно-автономного государственного устройства как «надежного средства избежать расчленения национального или географического» (Голицын, 2008: 178). Наблюдая за развитием ситуации, Урусов весной 1920 г. одобрительно отзывался о «некоторых империалистических стремлениях правительства в отношении окраин», объясняя это «неестественным дроблением страны, похожим на развал, ведущий к полному бессилию и разорению» (Урусов, 2009: 19).

Бывшие прогрессисты и их сподвижники активно выступали в поддержку коллективных форм хозяйственной деятельности задолго до 1917 г. Отклик в их среде нашел курс правительства на поддержку кооперативов, провозглашенный в феврале 1919 г. в постановлении «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию». Они рассчитывали, что эта линия в хозяйственной жизни будет востребована и в дальнейшем, а потому стремились сохранять и развивать в Советской России традицию изучения опыта артелей и кооперации. В частности, в 1919–1920 гг. исследование артелей было проведено сотрудниками научного Института социальной психологии (1917–1922), первого в России исследовательского учреждения социологического профиля (Бызов, 2011: 107–130). Основателем и руководителем института стал крупный правовед, философ, социолог В. М. Хвостов (1868–1920). По своим политическим взглядам он примыкал к центристскому течению в русском либерализме (в 1908 г. вступил в Партию мирного обновления).

Комментируя тезис большевиков о Советах как наивысшей форме народного представительства, Арсеньев доказывал обратное: Учредительное собрание «не могут заменить собою Советы, избираемые не всеобщим и не прямым голосованием, без широкой гласности, без свободной, доступной для контроля избирательной агитации, на неопределенное время, с неопределенными правами и неопределенной компетенцией» (Арсеньев, 1918: 309). В то же время идеолог «Вестника Европы», всегда выступавший в поддержку земства, в создавшихся условиях считал возможным использование и такой далекой от совершенства формы местного самоуправления, как Советы. Проповедник единства слова и дела, Арсеньев записал в дневнике 9 марта 1919 г. (всего за две недели до своей кончины), что вошел в состав местного

сельского Совета в с. Нежадово (Лужского уезда Петербургской губернии), куда в январе 1918 г. он вместе со своими домочадцами перебрался на жительство из столицы, спасаясь от голода. Примечателен авторитет Арсеньева среди жителей деревни: его избрали председателем сельсовета (РГАЛИ: л. 162).

5. «Великий перелом»

В целом для ряда бывших либералов-центристов (прогрессистов) и их единомышленников в годы Гражданской войны было характерно сдержанно-выжидательное отношение к новой власти¹. Постепенно у них оставалось все меньше надежд на возможность в обозримом будущем правительственного разворота в сторону ценностей права и свободы личности. Радикальная перемена в их взглядах на перспективы развития страны совпала с Великим переломом, обозначившимся в конце 1920-х гг. в политике сталинского руководства. Так, Голицын еще в ноябре 1917 г. предсказывал, что большевистский режим породит «диктатуру личности, наподобие того, как это было с Наполеоном после его побед в Италии и Египте». В январе 1932 г. такой исход казался ему уже неизбежным. Тогда же Голицыну представлялось неотвратимым и падение в будущем большевистского режима, поскольку он «не обладает созидательными способностями», «непригоден к реальному окружающему его миру, его атмосфере, его условиям». Отзываясь о «пресловутых “достижениях”» власти как «равных нулю, если даже не нулю с минусом», Голицын доказывал это тем, что «режим этот упразднил частную собственность, общества торговли и промышленные классы общества, оттолкнул от себя крестьянство отнятием от них земли», а в результате «всем этим подорваны, если даже не сломаны, все устои общественного строя, которые не могут быть заменены никаким пролетариатом, какими бы коммунистическими идеалами этот последний ни был одушевлен» (Голицын, 2008: 135, 355). Голицын до конца разделял убежденность прогрессистов, что «силы государства покоятся не только во внешней его могущественности», но прежде всего «в развитой сознательной и свободной человеческой личности» (Хайлова (сост.), 2002: 274–276).

Исторический оптимизм Голицына и его сподвижников сочетался с неподдельным патриотизмом. «Дедушка говорил, что в стране будут меняться правители. Одни будут лучше, другие хуже... Ко мне это не должно относиться... Есть Отечество — и своим посильным трудом я должна ему помогать» (Урусов, 2009: 27), — вспоминала внучка Урусова. Его административный опыт, знание экономики и финансовой практики оказались востребованы в

¹ После 1917 г. подобную позицию разделяла часть творческой интеллигенции (Розенталь, 2018: 131–141).

начале 1920-х гг. Особо были отмечены успехи Урусова на посту управляющего делами (1921–1925) Комиссии при Президиуме ВСНХ по исследованию Курских магнитных аномалий. В 1923 г. его наградили орденом Трудового Красного Знамени.

По словам современников, Урусов прошел путь от «образцового губернатора» до «образца советского работника». Никогда не изменявший своим принципам, он (как и целый ряд его единомышленников-прогрессистов) подтвердил конструктивность центристских практик.

«Влияние, оказывавшееся им на людей, было глубоко благотворным. Деятели, подобные ему, должны иметь громадную ценность в обществе» (Булгаков, 1920: 20), — таков отклик на уход из жизни Н. В. Давыдова (1848–1920), видного прогрессиста (ныне он известен почти исключительно как близкий знакомый Л. Н. Толстого). Эти слова — характерное признание современниками значимости той породы людей, к которой принадлежали многие лидеры либерального централизма. Однако атмосфера здравого смысла, дружелюбия и терпимости, которую они неизменно создавали и поддерживали, судя по всему, не имела шансов установиться в расколотовой России начала XX в. Центристские тенденции оказались по душе далеко не многим, тем более в пору революций и войн.

Литература

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 197 (Доклад о работе ЦЕКУБУ за ноябрь 1921 г. — июнь 1926 г. и списки научных работников и деятелей искусств РСФСР, получающих академическое обеспечение; июль — октябрь 1926 г.).
- Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 40. Оп. 1. Д. 40 (Дневник К. К. Арсеньева).
- Арсеньев К. К. (1917а). Опасные возможности // Русские ведомости. №254 (19 ноября). С. 2.
- Арсеньев К. К. (1917б). «Очищение» Учредительного собрания // Русские ведомости. №272 (21 декабря). С. 2–3.
- Арсеньев К. К. (1917в) Тучи над Учредительным собранием // Русские ведомости. №273 (22 декабря). С. 1–2.
- Арсеньев К. К. (1918а). До и после революции // Русские ведомости. №36 (15 марта). С. 1.
- Арсеньев К. К. (1918б). Хроника. — На темы дня // Вестник Европы. №1–4. С. 304–317.
- Булгаков В. Ф. (1920). Памяти Н.В. Давыдова // Истинная свобода. №6. С. 19–20.
- Бурцев Г. В. (1957). Политехнический институт в первые годы Советской власти (1918–1922 гг.) // Труды Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина. 1957. №190 (История института). С. 91–124.
- Бызов Л. А. (2011). Институт социальной психологии в Москве // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. №4 (июль — август). С. 107–130.

- Введенский А. И.* (1922). Судьба веры в Бога в борьбе с атеизмом (Доклад, прочитанный в Петроградском философском обществе 19/6 марта 1922 года) // Мысль. №2. С. 3–20.
- Голицын В. М.* (2008). Дневник 1917–1918 годов. М.: «Захаров».
- Лёгкий Д. М.* (2002). Д. В. Стасов в эпоху русских революций начала XX века // Россия в XX веке: реформы и революции: в 2 т. М.: Наука. Т. 1. С. 229–232.
- Розенталь И. С.* (2018). О некоторых тенденциях осмысления Первой мировой войны, революции и большевизма современниками // Россия XXI. №3. С. 120–143.
- Урусов С. Д.* (2009). Записки. Три года государственной службы. М.: Новое литературное обозрение.
- Хайлова Н. Б.* (2017). Либералы-центристы в 1917 г.: реальные политики или утописты? // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения: материалы Международной научной конференции (Москва, 9–11 октября 2017 г.). М.: [ИРИ РАН]. С. 219–226.
- Хайлова Н. Б.* (сост.) (2002). Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).
- Хозиков В. И.* (1999). Политех для России. Первые 50 лет Санкт-Петербургского государственного технического университета. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1999.

References

- Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. R-4737. Op. 1. D. 197 (Doklad o rabote CEKUBU za noyabr' 1921 g. — iyun' 1926 g. i spiski nauchnyh rabotnikov i deyatelej iskusstv RSFSR, poluchayushchih akademicheskoe obespechenie; iyul' — oktyabr' 1926 g.).
- Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva (RGALI). F. 40. Op. 1. D. 40 (Dnevnik K.K. Arsen'eva).
- Arsen'ev K. K.* (1917a). Opasnye vozmozhnosti // Russkie vedomosti. №254. S. 2.
- Arsen'ev K. K.* (1917b). «Ochishchenie» Uchreditel'nogo sobraniya // Russkie vedomosti. №272. S. 2–3.
- Arsen'ev K. K.* (1917v). Tuchi nad Uchreditel'nym sobranie // Russkie vedomosti. №273. S. 1–2.
- Arsen'ev K. K.* (1918a). Do i posle revolyucii // Russkie vedomosti. №36. S. 1.
- Arsen'ev K. K.* (1918b). Hronika. — Na temy dnya // Vestnik Evropy. №1–4. S. 304–317.
- Bulgakov V. F.* (1920). Pamyati N.V. Davydova // Istinnaya svoboda. №6. S. 19–20.
- Burcev G. V.* (1957). Politekhnicheskij institut v pervye gody Sovetskoj vlasti (1918–1922 gg.) // Trudy Leningradskogo politekhnicheskogo instituta im. M.I. Kalinina. 1957. №190 (Istoriya instituta). S. 91–124.
- Byzov L. A.* (2011). Institut social'noj psihologii v Moskve // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i social'nye peremeny. №4 (iyul'–avgust). S. 107–130.
- Vvedenskij A. I.* (1922). Sud'ba very v Boga v bor'be s ateizmom (Doklad, pročitannyj v Petrogradskom filosofskom obshchestve 19/6 marta 1922 goda) // Mysl'. №2. S. 3–20.
- Golicyn V. M.* (2008). Dnevnik 1917–1918 godov. M.: «Zaharov».

- Lyogkij D. M.* (2002). D.V. Stasov v ehpohe russkih revolyucij nachala HKH veka // Rossiya v HKH veke: reformy i revolyucii: v 2 t. M.: Nauka. T. 1. S. 229–232.
- Rozental' I. S.* (2018). O nekotoryh tendenciayah osmysleniya Pervoj mirovoj vojny, revolyucii i bol'shevizma sovremennikami // Rossiya XXI. №4. S. 120–143.
- Urusov S. D.* (2009). Zapiski. Tri goda gosudarstvennoj sluzhby. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Hajlova N. B.* (2017). Liberaly-centristy v 1917 g.: real'nye politiki ili utopisty? // Velikaya rossijskaya revolyuciya, 1917: sto let izucheniya: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 9–11 oktyabrya 2017 g.). M.: [IRI RAN]. S. 219–226.
- Hajlova N. B.* (sost.) (2002). Partii demokraticeskikh reform, mirnogo obnovleniya, progressistov. 1906–1916 gg. Dokumenty i materialy. M.: «Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya» (ROSSPEHN).
- Hozikov V. I.* (1999). Politekh dlya Rossii. Pervye 50 let Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. SPb.: Izd-vo SPbGTU, 1999.